

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ
К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ О.К. ТИХОМИРОВА

**ПСИХОЛОГИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ:
ЕДИНСТВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЙ РЕГУЛЯЦИИ
РЕШЕНИЙ И ВЫБОРОВ**

© 2013 г. Т. В. Корнилова

*Доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии
факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва*

Раскрывается ряд положений смысловой теории О.К. Тихомирова, составляющих основу модели множественной и многоуровневой регуляции принятия решений человеком. Показано, как развитие идеи единства интеллекта и аффекта (в ее понимании Л.С. Выготским, А.Р. Лурией и О.К. Тихомировым) реализуется применительно к решениям и выборам человека в условиях неопределенности. Обосновывается понятие динамических регулятивных систем (ДРС) – новообразований, интегрирующих заведомо разноуровневые процессы актуалгенеза как личностных, так и когнитивных компонентов регуляции решений человека.

Ключевые слова: смысловая теория мышления О.К. Тихомирова, принцип неопределенности, выбор, принятие решений, динамические регулятивные системы, толерантность/интолерантность к неопределенности, новообразования, саморегуляция.

Моя научная деятельность начиналась под руководством О.К. Тихомирова¹, но незадолго

до его выборов заведующим кафедрой общей психологии мой жизненный путь привел меня на другую кафедру. Вместе с тем именно совместная работа с Олегом Константиновичем подготовила меня к последующей основной теме моих научных исследований – изучению принятия решений с позиций единства их интеллектуально-лично-

¹ Если быть точной, то первую курсовую работу я выполнила под руководством Е.Н. Соколова, а после прохождения раздела мышления выбрала руководителем С.Д. Смирнова, который, как оказалось, уезжал на стажировку в Париж; он и отвел меня к О.К. Тихомирову.

стной регуляции. Из наследия школы Тихомирова в этой статье будет представлен только один аспект – разработки концепции множественной функционально-уровневой регуляции выбора в условиях неопределенности, которая начиналась с выявления специфики интеллектуальных решений на основе использования компьютерных средств, а в дальнейшем привела к представлению о *динамических регулятивных системах* как общих основах психологической регуляции выборов и решений человека [8, 19].

В последние годы активной работы в качестве заведующего кафедрой О.К. Тихомиров уделял большое внимание работе с преподавателями (в рамках ФПК), раскрывая по-новому понятия и принципы общей психологии. В резюмирующем эту работу учебном пособии он подошел к той проблеме, которая спустя десятилетие примет форму методологических споров о возможности *плюрализма* в психологии. В частности, он считал необходимым "... признать де-факто, что мировая психологическая наука развивалась и развивается на основе самых разных теоретико-методологических принципов" [26, с. 54]. После их краткого проблемного анализа он вводит "принцип расширения методологических основ психологии", называя так параграф этого учебного пособия. В следующих его параграфах он рассмотрел понятие *нового мышления*, говоря о его связи как с творческим мышлением (и видами мышления), так и конструктом *личности*, а также необходимости развивать ее психологическое понимание, не сводимое к указанию на ее "социальную сущность". Эти методологические аспекты уже освещались ранее [8].

Предлагаемую вниманию статью о современном состоянии развиваемого мною подхода к решениям человека в условиях неопределенности начну с обоснования введения такого принципа в психологическую науку, как *принцип неопределенности* [10], после чего будет представлен ряд направлений формирования новой области исследований – *психологии неопределенности* [8–10, 19].

ПРИНЦИП НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Формирование нового принципа понимания мира, картины мира и человека в нем – *принципа неопределенности* – имело истоки и в преобразовании научных идеалов рациональности в философии науки (М.К. Мамардашвили, В.С. Стёпин, В.А. Лекторский и др.), и в развитии в рамках самой психологии проблем детерминизма–

индетерминизма, субъективного и объективного, а также в построении новых по типу психологических моделей, включивших обращение к понятию субъективной неопределенности (В.П. Зинченко, О.К. Тихомиров), толерантной личности (А.Г. Асмолов) и открытости иерархий психологической регуляции выборов (Т.В. Корнилова).

Новая область психологических исследований – *психология неопределенности* – стала подготавливать развитие иных объяснительных парадигм, чем базировавшиеся на традиционно принятых принципах *детерминизма* и *единства сознания и деятельности*. Именно по отношению к последнему из названных принципов О.К. Тихомиров предполагал необходимость его переосмысления в свете нового мышления в самой психологии [26], что подразумевает развитие системы психологических понятий и интерпретационных схем, построенных на новых основах. Он реализовал эту возможность в развитии идеи *единства интеллекта и аффекта* в понимании Л.С. Выготского, предполагавшего динамический аспект становления смысловых полей [2]. Он же призывал к психологическим конкретизациям принципа *системности* в психологии, необходимости содержательного раскрытия психологических систем [26]. Не меньшую роль отводил Олег Константинович и принципу *развития*, сосредоточив исследовательскую практику на *актуалгенезе* мыслительной деятельности и ее преобразовании в век использования информационных технологий [24]. Возможность расширения принципов психологической науки была реализована нами в обосновании *принципа неопределенности* [10], который стал рассматриваться в контексте разработки представлений о применимости к психологии идеи стадийности развития наук, изменений *критериев рациональности* и формулирования проблемы *полипарадигмальности* психологии [16].

Особое значение имело освоение принципа неопределенности для формулирования положений развиваемой мною психологической концепции *множественной* ("мультипликативной") и *многоуровневой* (функционально-уровневой) *регуляции выбора*, предполагающей опору человека на *целостное функционирование его интеллектуально-личностного потенциала*. Применительно к психологической регуляции выборов в условиях неопределенности это означало выход за пределы прежних подходов в психологии принятия решений [11].

Выбор (как принятие решения человеком) есть там, где существует неопределенность его крите-

риев, необходимость прогнозирования последствий и построения оснований предпочтений альтернатив (если критерии определены, их можно формализовать и отъять от субъекта, лишив его тем самым акта выбора как преодоления субъективной неопределенности). *Неопределенность* в психологии связывалась с вариативностью и неповторяемостью как условий, так и самих актов выбора, действия, мышления; не повторяются не только движения [3], не повторяются одни и те же решения. М.К. Мамардашвили настаивал, что живое – в *акте*, в акте мышления или свершения (остальное – “мертвечина”). О.К. Тихомиров впервые в отечественной психологии использовал понятие *энтропии* для описания становления интеллектуальных стратегий человека [25], причем в разведении понятий *субъективной неопределенности* и информационной энтропии. Мы подошли позже к пониманию неопределенности как незаданности иерархий процессов, фокусируемых *динамическими регулятивными системами*. Для решения как акта выбора оказываются при этом важными два аспекта: необходимость приложения субъектом интеллектуально-личностных *усилий*, отражаемых новообразованиями, и иерархизации “здесь-и-сейчас” тех парциальных систем (названных ДРС), в которых осуществится динамическое структурирование всех опосредствующих выбор процессов, как когнитивных, так и эмоционально-личностных.

Важным аспектом раскрытия специфики личностной регуляции выбора стало преодоление дихотомии ситуационизма–диспозиционализма. Положение о том, что в качестве ведущего уровня в психологической регуляции выбора могут занимать разные процессы (волевые, интеллектуальные, эмоционально-мотивационные и пр.), было обосновано в понимании принятия решений как характеризующихся *новообразованиями* [17]. В дальнейшем я предложила такую феноменологическую характеристику принятия решения, как *обратимость* альтернатив для субъекта, имеющего возможность не только когнитивно оценивать ситуацию (прогнозировать ее изменения, сравнивать последствия разных исходов и т.д.), но и примеривать выбор к себе с точки зрения той *личностной цены*, которую человек готов платить за него (“кем я стану после такого выбора”). Это позволяет разделить проблемы *постпроизвольной* регуляции поведения и собственно произвольно-го *выбора*.

Как нет истинного принятия решения при вынужденном выборе (под дулом пистолета, угрозы и т.п.), так и нет его при действии по принципу

“на том стою и не могу иначе”; в последнем случае именно следование ценностным или иным ориентирам не позволяет человеку быть “свободным” в выборе [11, 19].

Произвольность неразрывно связана с указанным аспектом обратимости выбора, предполагающем, что человек волен как принять, так и отказаться от альтернативы, не следуя при этом только ситуационным условиям, но и не выступая полем взаимодействия мотивационных сил или проявлений тех или иных личностных черт. Принятие принципа неопределенности позволяет понять, что означает собственно выбор личности (не называю его личностным, чтобы не входить в противопоставление классификации “рационального” и “личностного” выбора²).

Используем важный метафорический термин, характеризующий по М.К. Мамардашвили неклассический подход к субъекту познания (применительно к *неклассическому идеалу рациональности*) и его характеристику временной перспективы личности перед лицом ситуации – “зазор” (предшествующим понятием выступала “лямбда” Наблюдателя). Зазор в ситуации выбора означает, что человек не оценивает одновременно и ситуацию, и себя; он может это делать только в последовательном осознании [22]. Если иметь в виду не временной зазор, а бытийный – в условиях неопределенности, то в ситуации выбора это может быть зазор между *личностными ценностями* (которые представлены сознанию человека) и теми *исходами*, или *решениями*, какие будут выбраны. И хотя в регуляцию выбора включены и соотносимые с другими актуализируемыми процессами ситуационные ориентиры, именно *самосознание* – ведущий уровень принятия решения.

Человек каждый раз заново осознает, каким образом он соотнесет свой выбор и с требованиями ситуации, и с требованиями к себе, в частности, с личностными ценностями. Он может как следовать, так и не следовать им в данной ситуации. Это не означает, что ценности не сформировались; это означает *произвольность* решения и критичность личности. Иначе, как это было показано исследова-

² Заостряя сложившуюся оппозицию подходов, можно сказать, что личность, делающая выбор, не мыслилась думающей, а когнитивные системы, опосредствующие выбор, мыслились безличностными (чему соответствовало сложившееся в непсихологических моделях понятие ЛПП – лица, принимающего решение, – как любого рода системы). Рассмотрение ПР как вида деятельности не снимало проблемы специфичности ее психологической регуляции, заданной контекстом преодоления неопределенности.

дованиями интолерантной личности, следование принятым (высоким) ценностям может приводить не просто к ригидности и авторитарности, но и к слепому фанатизму (что уже не предполагает обратимости решений).

Итак, необходимо предполагать не только личностные компоненты регуляции выбора, но и *произвольность* (а значит, и динамику) следования им. Другой важной координатой выбора считается его *разумность*, рассматриваемая в теориях *рационального выбора* [35], *интеллектуального* [17], *мыслительного*. Выделение *интеллектуальных решений* предполагалось О.К. Тихомировым именно по критерию выхода мыслительной деятельности на ведущий уровень в иерархии процессов, опосредствующих принятие решения. Это не исключает смысловой регуляции самой мыслительной деятельности (и представленного в решениях интеллекта) [27]. Однако психология прошла достаточно большой путь преодоления рационалистской, или логической, трактовки мышления [1], и даже в представлении о преимущественно мыслительном опосредствовании принятия решений термин “рациональный” не может заменить термина “интеллектуальный”. При этом изменение методологических критериев *рациональности* существенно повлияло на смену постановки проблемы интеллектуальных решений человека. Человек “разумный”, как и человек “почвенный”, непрерывно “заняты” процессами целеобразования, принятия решений³ и другими формами самоопределения, без которых не может решаться вопрос их онтологического присутствия в этом – предметном – мире.

Какова бы ни была картина мира и человека в нем, с него не снимается ответственность за его собственную жизнь, за те каждодневные решения (включая обыденные и судьбоносные), которые он принимает. Принятие же решений (включая процессы свободного волеизъявления и самоопределения личности) необходимо именно потому, что бытийно заданы условия неопределенности (не говоря об отличиях объективных и субъективных ее репрезентациях). Итак, суть человеческого бытия – постоянное преодоление неопределенности, незаданность любых форм и оснований его решений и действий.

³ Каждодневные решения человека, конечно, опосредствованы информационно. Но это лишь один из аспектов, другие представлены категориями *разумности* и *рациональности*, которые как в философском, так и в психологическом понимании отнюдь не сводятся к информационной ориентировке (во внешнем мире или внутреннем).

МОДЕЛЬ МНОГОУРОВНЕВОЙ И МНОЖЕСТВЕННОЙ ДИНАМИЧЕСКОЙ РЕГУЛЯЦИИ РЕШЕНИЙ

Идея *многоуровневости* – как психологической реальности, так и обобщений в теоретических психологических объяснениях – развивается в современных концепциях в различных областях психологии. Но она совсем не обязательно предполагает выход объяснения за рамки психологических систем или взаимодополнительность психологических и непсихологических объяснений⁴. Олегом Константиновичем актуаленез мышления был представлен в единстве осознаваемых и неосознаваемых процессов [25, 27]. Психологические системы регуляции принятия решений также включают разноуровневые компоненты.

Постановка проблемы взаимопроникновения разных уровней причинности, неразрывно связанная с принятием принципа неопределенности, – сравнительно новая и достаточно сложная задача, в решении которой видится один из путей преодоления простых объяснительных схем, а точнее – *постулата непосредственности* во множестве его вариантов в понимании психологической регуляции выбора. Другой методологический аспект – *множественной системной детерминации* принятия решений – предполагает различия процессов, одновременно опосредствующих становление предпочтений выбора. С этими двумя идеями (многоуровневости и множественности) связан такой аспект принятия принципа неопределенности, как невозможность следования какой-то одной теории в построении психологического объяснения выборов и решений человека.

Однако есть и другой аспект, рассматриваемый в контексте постановки проблемы сознания в психологии. Анализ мира теорий и исследовательских парадигм в психологии позволяет утверждать, что психология имеет собственные источники “неклассических ситуаций”, они отличаются от рассматриваемых в методологии естествознания [10]. *Открытость* человека – то радикальное отличие, которое не позволяет проводить прямые аналогии в возникновении неклассических ситуаций в рамках физики и психологии. Для психологии такой неклассической ситуацией стало изучение регулирующей функции эмоций или структурирующей функции мотива в мыслительной деятельности, что в классической

⁴ Подчеркиваю это, поскольку рассматриваемую идею многие коллеги прямо связывают с общенаучными положениями системного подхода и даже оправдывают редукционизм в психологии на данной основе.

психологии рассматривалось бы как невозможная проблема, поскольку аффект и интеллект описывались как исключаящие друг друга психологические реалии.

Проблема смысла – в психологических постановках вопроса о свободе выбора – стала рассматриваться в многообразии его путей, что включало полагание *многоуровневости* и *гетерархической регуляции* решений и поступков человека. Неопределенность стала одним из важнейших понятий в работах, в которых на первый план выдвинуты проблемы самодетерминации и саморегуляции человека, существенно углубляющие представления об активности субъекта, в том числе и на основании развития проблем саморегуляции с позиций культурно-исторической концепции [5]. Однако экзистенциальные подходы, развивающие положения о смысловой регуляции выбора, фокусировали иные компоненты регуляции, чем когнитивные подходы. Учет опыта построения смысловой теории мышления позволяет и к выбору подходить, предполагая единство его многокомпонентной регуляции и функциональное становление иерархий разноуровневых процессов.

Понимание решения как *интеллектуально и лично* опосредствованного выбора означает принятие идеи *единства интеллекта и аффекта* только в том случае, если обоснованы те интерпретационные единицы, в которых подразумевается взаимосвязь между этими компонентами (сферами, или “осями”) регуляции выбора. Возможность выхода на верхние уровни иерархии в регуляции ПР разных психологических процессов – лишь *первый* шаг к построению таких единиц анализа. *Второй* – предположение о специальных усилиях, характеризующих выраженность *новообразований* (знаний, целей, смыслов), что позволяет говорить о том, что решение действительно принималось, а не было выполнено по принципу клише (например, под влиянием характерологических черт). Феноменологически представленное наличие усилий при принятии решения (чувство “бремени” выбора) и возможность личности в осознанном выстраивании предпочтений выбора частично отражают эту третью ось (если первой и второй считать когнитивную и личностную составляющие) – “ось” новообразований.

Предположение об *открытости иерархий* процессов в актуалгенезе принятия решений означает включенность в регуляцию суждений всего спектра когнитивных процессов – внимания и памяти, научения и построения умозаключений [36]. Аналогично “личностная” составляющая

также многомерна и включает множественную процессуальную регуляцию. Субъективная неопределенность связывается как с незаданностью тех процессов, актуалгенез которых будет включен в психологическую регуляцию выбора, так и с *динамическим* характером тех иерархий (образованных этими процессами), которые лишь функционально организуются в *динамические регулятивные системы* – ДРС. В структурировании взаимодействий между ними и представлена активность субъекта, отражаемая понятием саморегуляции и включающая как уровни самосознания субъекта (метаконтроль, рефлексия, Я-концепция, самооценки и т.д.), так и глубинные мотивационные образования, в совокупности определяющие смысловую направленность ДРС.

Представление о динамических иерархиях процессов, опосредствующих выбор, предполагает идентификацию его оснований, которая не является простым делом. Так, Г. Гигеренцер показал, что за регуляцией принятия решений, связываемой с моральными интуициями, могут стоять свернутые когнитивные структуры [33]. Ранее также на материале юридических решений нами, напротив, было показано, как актуализация личностных отношений может замещать те процессы, которые должны стоять за интеллектуальными выборами, предполагающими использование базовых знаний [11].

Итак, с выделением такой единицы регуляции выбора, как ДРС, связана принципиальная (онтологическая) неопределенность регулятивных иерархий, понимаемая как незаданность структур, на которые опирается субъект в процессе выбора. Только в динамике развития определенных этапов решения, средств принятия проблемы, оценивания ситуации, предвосхищения ее развития и т.д. можно говорить о соотношении уровней самосознания и неосознаваемой составляющей регуляции выбора, превалировании когнитивной ориентировки или смыслового контекста предпочтения того или иного решения. При этом для самого человека как субъекта своих решений эти составляющие неразделимы.

Признание множественности опосредствующих выбор психологических процессов и их динамических иерархий – как психологической реальности, стоящей за ДРС, – предполагает построение и оценку моделей, репрезентирующих их взаимосвязи в единой функциональной регуляции выборов и решений (см. рис.).

Психолог может сравнивать при модельном представлении критериев ДРС выраженность их разных компонентов; на рисунке даны два реше-

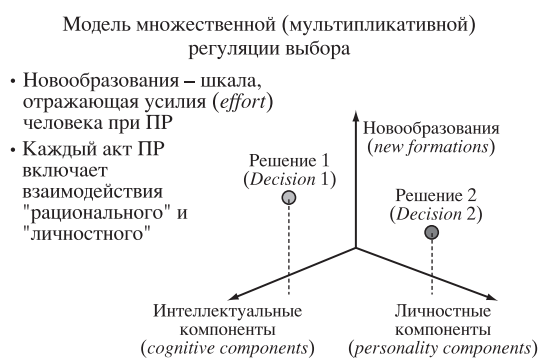

Рис. Координаты сравнения ДРС для двух решений (1 и 2).

ния (1 и 2), различия между которыми можно описать именно по достигаемому на каждой из трех осей уровню. Понятно, что это метафорическая модель, поскольку для формальной нужно иметь возможность задавать количественные характеристики.

Идея *множественной регуляции* не обязательно должна быть понята как постулирование множественности центров индетерминизма. Индетерминизм может быть соотнесен с уровнем активности для целостного представления о субъекте, который доопределяет ориентиры своих действий и решений. И это будет предполагать также выход в другие объяснительные контексты – культурно-исторической и деятельностной детерминации сознания, *субъективного принятия неопределенности* и преодоления ее посредством *саморегуляции*.

САМОРЕГУЛЯЦИЯ И ДИНАМИЧЕСКИЕ РЕГУЛЯТИВНЫЕ СИСТЕМЫ (ДРС)

Новообразования в ходе решения задач и принятия решений могут пониматься как результаты последовательностей актов преодоления субъективной неопределенности. Важную роль следует отвести при этом понятию саморегуляции как включающему психологическую реальность становления ДРС. Такое обращение к понятию саморегуляции позволяет не рассматривать в качестве биполярных выражения “я мыслю” и “мне мыслится”; личностное Я представлено в усилиях при движении по шкале *новообразований*, а не только актуализации личностной и интеллектуальной регуляции (см. рисунок).

При этом мы переходим к “вершинному” представлению саморегуляции применительно к функционированию интеллектуально-личностного потенциала [5, 19], в то время как в психоло-

гической литературе обычно представлены глубинные уровни регуляции (в частности, уровни мотивации или интеллекта). Это имеет дальнейшие последствия, в частности, понимание, что на место “ресурсным” подходам в понимании интеллекта и креативности должны прийти модели, предполагающие *динамические связи между когнитивными и личностными составляющими* единого интеллектуально-личностного потенциала. Анализ же мотивационных компонентов при выявлении диспозициональных переменных, проводимый безотносительно к уровню самосознания личности, вряд ли может раскрывать целостную регуляцию выбора или развернутой мыслительной деятельности.

Согласно нашему предположению, интеллектуально-личностный потенциал – не “мешок” с опущенными туда ресурсами или возможностями. Его психологическое “изображение” должно быть выражено по оси не вниз (в глубину потенциала), а вверх – в область актуализируемых субъектом новообразований, включающих актуалгенез личностно-мотивационных и интеллектуальных компонентов, порождаемых в деятельности и составляющих координаты образуемых субъектом систем регуляции продуктивных решений в конкретной ситуации.

Преодоление личностью условий неопределенности становится значимым и сравнительно новым модусом психологических исследований разных типов продуктивных решений. Признание же функционального становления систем регуляции выбора предполагает и *фактор риска*. В данном случае это *риск неиспользования* всего интеллектуально-личностного потенциала или той его части, посредством которой могла бы “завершиться” та ДРС, которая как функциональный орган опосредствовала бы акт – и оправдание – выбора.

Такое понимание ДРС и саморегуляции снимает необходимость в предположениях о специальных уровнях *метаконтроля* и *метакогниций*. В ДРС входят как более, так и менее осознаваемые процессы, а их динамическое структурирование как парциальных (функциональных) регулятивных систем, связанных с определенными целями (целобразованием и целедостижением), предполагает внутренние структуры их самоорганизации в динамических иерархиях качественно разных – множественных – источников регуляции выборов (решений и действий).

В последние годы идея саморегуляции зарубежными психологами рассматривалась в соотнесении подходов Джеймса, Пиаже и Выготского

[30]. Можно сказать, что вне культурно-исторической традиции понятие метакогниции (включая функцию метаконтроля) используется в определенной степени в качестве замены заданных в ней представлений об *опосредствовании*, а связка понятий саморегуляции и метакогниции необходима для фиксации возможностей активного изменения самоконтроля на основе обращаемой на себя мысли.

Выделение активности Я как самостоятельного (неизменного) модуса самосознания приводит у автора первой концепции сознания, выделившего Я знающее и Я знаемое, к парадоксу, фиксированному в выражении “мыслит мышление”.

В отечественных подходах, не разделяющих идеи культурно-исторического подхода, активная роль метакогниций связывается со специальной конструктивной работой субъекта мышления, которая может быть выражена в развертывании процессов, не охватываемых классификацией натуральных или высших психических функций. Эти процессы (целеобразования, принятия решений и ряд других) в рамках другой психологической школы получили название интегративных. Представления о ДРС, опирающиеся на развитие идей *опосредствования* (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, О.К. Тихомиров, Б.В. Зейгарник), позволяют не постулировать специальных уровней метаконтроля. Они также предполагают возможность единого подхода к раскрытию психологической регуляции выборов, относимых ранее к рациональным, личностным или моральным.

Общность разных типов выбора заключается именно в том, что преодолевается (разрешается) ситуация неопределенности, и состоявшееся решение – это реализованный уровень саморегуляции и метакогниций.

Загадка процессов саморегуляции при принятии решений заключается в том, что именно активность и конструктивность в построении альтернатив и критериев дают те внутренние средства, на которые опирается человек при выборе и посредством конкретизации которых “личность делает себя своими решениями”. Психологические орудия конструируются субъектом в ходе выбора, а саморегуляция выступает интерпретационным компонентом в двух разных контекстах – структурирования в ДРС иерархии процессов, опосредствующих выбор, и контроля приемлемости–неприемлемости тех или иных оснований выбора (прогноза не только развития ситуации при выборе альтернатив, но и той *личностной цены*, которую они требуют).

Признание *множественности* как психологической реальности, стоящей за функционально-уровневой регуляцией выбора, так и психологических теорий, описывающих конкретные взаимосвязи процессов, опосредствующие функционирование ДРС, согласуется с предположениями о *целостности интеллектуально-личностного потенциала* человека в преодолении на его основе условий неопределенности (как необходимого условия выбора). При этом необходим плюрализм в теоретическом понимании связей различных базисных процессов с их общими взаимосвязями в ДРС, поскольку теоретические интерпретации функционирования различных компонентов остаются в контекстах разных теорий (“проспективной”, если речь идет о вероятностных характеристиках и “весах” решений; культурно-исторической, если анализируются опосредствования на основе надындивидуальных стимулов-средств и т.д.).

МЕЖИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПРИНЯТИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Изучение того, как по-разному люди относятся к неопределенности, стало предметом диспозиционных подходов, раскрывающих понятия толерантности и интолерантности к неопределенности [9]. Учитывая роль личностной составляющей в регулятивных системах выбора, мы не могли пройти мимо проблемы диагностики свойств, отражающих межиндивидуальные различия в отношении к неопределенности, принятию и преодолению условий неопределенности.

До недавнего времени для российских выборок не было адекватного средства для измерения личностной предрасположенности к принятию условий неопределенности, хотя в рамках диспозиционной и экспериментальной парадигм Э. Френкель-Брунвик было обосновано понятие толерантности к неопределенности (ТН) – *tolerance for ambiguity* как толерантности к неясности, двусмысленности, многозначности стимулов, сложности их интерпретации [31]. В последующем наибольшее внимание было уделено исследованиям интолерантной личности (Г. Олпорт, Т. Адорно и др.). В рамках когнитивной психологии более освоенным оказался сходный конструкт *tolerance for uncertainty* – *толерантность к неуверенности* при недостаточной информированности, переводимый также как толерантность к *субъективной неопределенности*. Вставал вопрос о возможности представления *интолерантности к неопределенности* – как

стремления к ясности – в качестве самостоятельной шкалы или полюса, противоположного толерантности к неопределенности (ТН). Надежность предложенных средств для измерения ТН оказалась существенно более низкой, чем для обычных личностных опросников [9]. Для российских выборок адекватного психодиагностического инструментария не существовало.

Широко распространенный перевод старого опросника С. Баднера (его перепроверка на англоязычных выборках относится к 1966 г.) неправомерно используется в отечественных исследованиях, поскольку он не проходил кросскультурной и психометрической апробации. Вторым по популярности в России стал однофакторный опросник МакЛайна (1993 г., известный под названием *MSTAT*), апробированный на русскоязычных выборках в диссертационной работе Е.Г. Луковицкой на незначительных по величине выборках [21].

Существенно более надежными стали шкалы *Нового опросника толерантности к неопределенности* – НТН, модифицированного нами после апробации на российских выборках и объединившего, согласно схеме А. Фёмема, 4 наиболее известные ранее в зарубежной литературе шкалы [32]. Апробация проводилась на выборке в 623 чел. [9]. В результате мы обосновали представленность в опроснике НТН трех шкал – толерантности к неопределенности (ТН), интолерантности к неопределенности (ИТН) и межличностной интолерантности к неопределенности (МИТН). С помощью структурного моделирования установлены латентные переменные, с которыми связаны эти три шкалы НТН и другие измерения личностных свойств – *готовности к риску, использования интуиции, готовности к принятию решений*.

Разработка этого психодиагностического инструмента для российских выборок позволила перейти к проверке конкретных исследовательских гипотез о связи соответствующих личностных свойств с *интеллектом и креативностью*, а также продуктивностью выборов и их содержательной направленностью. В современных психологических исследованиях все чаще используется моделирующий подход, реализуемый при помощи нового метода анализа данных (*Structural Equation Modeling – SEM – структурное моделирование*), предполагающего несводимость изучаемой реальности на уровне латентных переменных к связям между измеряемыми показателями [29]. Его использование позволило строить направленные пути влияния латентных переменных на

предпочтения выборов, демонстрируя неявные и не представленные в рамках корреляционного анализа связи. Таким образом нами проверялись гипотезы о соотношении ТН и ИТН в регуляции морального выбора [18], в связях с самооценкой интеллекта и психометрическим интеллектом [14], с межличностным и внутриличностным эмоциональным интеллектом [19].

В частности, было показано, что в *динамических регулятивных системах* как процессуальных иерархиях регуляции выборов необходимо выделять переменные, манифестирующие стадии “доличностного” уровня и собственно “личностного”, предполагающего личностное самоопределение. Уровень Личностных ценностей включает ориентировку на Другого, но имеет менее выраженное отрицательное влияние на выбор в пользу манипуляции другим человеком по сравнению с латентной переменной Рациональной межличностной интолерантности к неопределенности. Личностные свойства *готовности к риску и рациональности* выступают предпосылками личностного самоопределения при моральном выборе; другие личностные переменные взаимодействуют с ними, интегрируясь в латентные переменные как предикторы выбора.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В СВЯЗЯХ С ИНТЕЛЛЕКТОМ, КРЕАТИВНОСТЬЮ, КОПИНГАМИ

Изучение использования эмоциональной информации при выборе в условиях неопределенности [23], роль ТН и ИТН в качестве предикторов креативности и ряд других проблем изучались нами при использовании схем регрессионного анализа. Рассмотрение принятия и преодоления человеком неопределенности как условия создания им креативного продукта – современный поворот темы психологической регуляции креативности.

В первом нашем исследовании, охватившем выборку в 204 чел., *толерантность к неопределенности* положительно предсказывала *креативность сверх вклада интеллекта*. При этом предсказательная сила интеллектуального потенциала оказалась сопоставимой по величине с вкладом личностных свойств ТН и ИТН в создание креативного продукта. Во втором исследовании ($n=441$) отрицательная по знаку закономерность была обнаружена для *интолерантности к неопределенности*. В целом показано, что ТН способствует созданию креативного продукта, а ИТН – препятствует. При этом процессы при-

нения неопределенности включаются в создание нового продукта вместе с интеллектуальным потенциалом [12]. Множественность измерений как интеллектуальных, так и личностных свойств при обсуждении их вкладов в креативность позволяет как обобщать устанавливаемые виды зависимостей, так и указывать ограничения в них в зависимости от типа заданий.

В специальном исследовании, посвященном раскрытию места *самооценок интеллекта* в связях с переменными интеллектуально-личностного потенциала и выполненном на выборке 332 чел., на основе структурного моделирования нами было показано, что ТН/ИТН связаны с интеллектом не прямо, а опосредствованно – через латентную переменную Интеллектуальной Я-концепции [14]. Последняя строится процессуально и в более широком контексте личностного самоопределения, что предполагает диалогическую активность на уровне самосознания (внутренний диалог).

Верифицированная структурная модель продемонстрировала связи между тремя *латентными* переменными – Интеллектуальной Я-концепции, лишь частично манифестируемой самооценками интеллекта, Объективной оценки интеллекта (в его психометрических оценках и оценках другими людьми) и Принятия неопределенности и риска; она позволяет рассматривать роль Интеллектуальной Я-концепции в качестве модератора связи интеллектуальных и личностных характеристик субъекта. Принятие неопределенности – как латентная переменная личностной сферы, представленная рядом измерений (ТН, готовностью к риску, доверием интуиции), – опосредованно взаимодействует с процессами интеллектуальной деятельности и может пониматься в качестве проводника процессов смыслообразования, связанных с личностными составляющими в модели многоуровневой и множественной регуляции решений.

В ряде выполненных под нашим руководством работ было показано, каким образом мотивационная регуляция интеллектуальных стратегий связана с отношением к субъективной неопределенности и свойствами интеллектуально-личностного потенциала. Они направлялись в том числе и развитием гипотезы о структурирующей функции мотива в ситуациях прогностических задач, задач на использование когнитивных стратегий [13], а также вербальных, актуализирующих различные компоненты личностной регуляции выбора [11, 18, 19, 23]. В диссертационном исследовании М.А. Чумаковой [28] был установлен тот факт, что продуктивным решениям не помогает высо-

кий интеллект, но мешает низкий, что было продемонстрировано посредством анализа процессуально-результативных характеристик решений в *закрытых* ситуациях выбора и при максимальной неопределенности в *открытых* конструктивных задачах.

Принятие и преодоление субъективной неопределенности – при разных типах решений – было опосредствовано влияниями на их продуктивность как уровня психометрического интеллекта, так и актуалгенеза *мотивационной* регуляции выбора. Для обоих типов задач (конструктивных и закрытых ситуаций) личностные компоненты регуляции решений выступали необходимым звеном именно при недостаточности интеллектуального ресурса. В зависимости от типа ситуации неопределенности (конструктивные и закрытые задачи) менялась регулятивная роль личностно-мотивационных и интеллектуальных компонентов, что позволяло нам интерпретировать выход того или иного процесса на более высокий уровень иерархии в ДРС [19].

В предпочтении человеком *стилей* и *стратегий совладания (копингов)* интеллектуально-личностный потенциал человека представлен в единстве процессов когнитивного оценивания, переживания и выбора путей разрешения проблемной (или стрессовой) ситуации. В давней работе [15] нами обсуждались перспективы связывания представлений о копинг-стилях с проблематикой деятельностного подхода. Развивая идею ДРС, мы смогли по-новому представить связи стилей и стратегий совладания с переменными интеллектуально-личностного потенциала человека. Двуликость конструкта “копинга” заключается в том, что он связан с *целеобразованием* (формированием целевых структур, целевых ориентаций), фокусирующим взаимодействия как *осознанных* процессов постановки целей, так и *неосознаваемых* предвосхищений, за которыми стоят процессуальные влияния личностных предпочтений, мотивационных иерархий, автоматически используемых способов разрешения трудных ситуаций и т.д.

В нашей совместной с О.К. Тихомировым монографии были представлены результаты первых отечественных исследований, в которых выявлялись особенности продуктивности и регуляции интеллектуальных стратегий у лиц с преобладанием гибкости–ригидности контроля, полезависимости–полenezависимости, импульсивности–рефлексивности, готовности к риску и тревожности [17]. Новые аспекты проблематики были выделены в последние годы, когда мы поставили задачу установить взаимосвязи стилей

совладания с характеристиками интеллектуального потенциала и личностными свойствами саморегуляции и имплицитными теориями интеллекта и личности⁵.

Участниками исследования взаимосвязей копинг-стилей с измерениями интеллекта, успеваемости, имплицитных теорий, академической успеваемости и самооценки обучения стали 480 студентов [6]. В качестве средства оценки интеллектуального потенциала выступили шкалы академического и практического интеллекта, а также креативности [4]. Результаты свидетельствовали о том, что наличие высокого интеллекта не было связано с предпочтениями продуктивного копинга, но его снижение было связано с выбором непродуктивного. Этот установленный нами факт помогает понять инконсистентность представленных в литературе данных, полученных при более простых гипотезах о связях [20].

Была раскрыта роль *целевых ориентаций на овладение мастерством* в качестве опосредствующих эффективную регуляцию решений и действий, что проявилось в комплексном характере их связей с готовностью к риску, предпочтением проблемно-ориентированного копинга, отказом от эмоционально-ориентированного копинга, а также креативностью и академической успеваемостью. Тем самым мы получили данные в пользу нашей гипотезы о роли *целеобразования* как ведущего процесса в иерархизации связей разноуровневых личностных предпосылок выбора с предпочтениями разных типов копингов.

Предложенное понятие ДРС позволило лучше интерпретировать установленные связи, поскольку оно предполагает возможность выхода процессов интеллектуального опосредствования на более высокие или более низкие уровни в комплексной интеллектуально-личностной регуляции. Так, учитывая отрицательную связь таких личностных свойств, как готовность к *риску* и *рациональность* между собой, и при этом их положительную связь с предпочтением стиля *проблемно-ориентированного* совладания⁶, следует предполагать разные пути включения их в ДРС решений человека.

⁵ Репрезентированные на уровне имплицитных теорий представления человека о своих возможностях и своем интеллекте могут влиять на предпочтения стилей совладания, что проясняет роли последних в регуляции деятельности.

⁶ Было установлено, что предпочтению проблемно-ориентированного копинга сопутствуют как высокие показатели *рациональности – ориентированности на сбор информации*, так и *готовности к риску* как умению *принимать ситуации неопределенности*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Раскрытие психологических оснований *единства интеллекта и аффекта*, положенного в основу смысловой регуляции мышления в школе О.К. Тихомирова, предполагает принятие *принципа неопределенности* и постановку исследовательских задач конкретизации *динамического функционирования интеллектуально-личностного потенциала* человека в регуляции выбора (как решений и действий в условиях неопределенности). Интеллектуально-личностный потенциал выступает в качестве интерпретационного понятия, которому в психологической реальности соответствуют *акты психологической регуляции решений и действий человека*, за которыми стоят *динамические регулятивные системы*, включившие в себя те или иные иерархии процессуально представленных интеллектуальных и личностных компонентов. Понимание интеллектуально-личностного потенциала в нашем подходе противостоит тем самым ресурсным теориям (как в психологии интеллекта, так и в психологии личности) и тем концепциям и моделям выбора, которые ограничивают (замыкают) круг его психологической регуляции только личностной сферой или когнитивной.

Психология принятия решений выступает одним из тех полей взаимовлияний научных подходов, где предполагается взаимодействие принципов активности, системности, деятельностного опосредствования и принципа *неопределенности*. Неопределенность в любой ситуации выбора означает неизведанность поля возможностей для сознательного доопределения его критериев (включая решение “задач на смысл”) и конструктивного построения (прогнозов) исходов. Именно в ситуации выбора из альтернатив, которые не только заданы, но и порождаются субъектом (в том числе как раскрытие смыслов последствий выбора), преодоление неопределенности становится его психологической характеристикой.

Развиваемое представление о *функциональном понимании единства интеллектуально-личностного потенциала* человека предполагает представленность в саморегуляции процессов и осознаваемых, и неосознаваемых уровней, а также невозможность отдельного функционирования личностных или интеллектуальных составляющих выбора безотносительно к оценке проявляемых при этом новообразований.

В психологическом исследовании безотносительно к актуалгенезу определенных выборов субъекта – как актов преодоления неопределенно-

сти – можно измерять личностные свойства или показатели интеллекта, но не показатели саморегуляции. Однако можно устанавливать их роль как предикторов решений и находить им место в структурных моделях, конкретизирующих пути образования ДРС. Дальнейшее развитие смысловой теории мышления позволит выдвигать новые гипотезы о способах преодоления человеком неопределенности на пути самостоятельных решений и выборов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирюков Б.В., Тихомиров О.К. Принятие решений как предмет методологических и психологических исследований. Послесловие / Ю. Козелецкий // Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1979. С. 464–500.
2. Выготский Л.В. Мышление и речь. М.: Педагогика, 1983. Собр. соч. в 6 т. Т. 2.
3. Зинченко В.П. Толерантность к неопределенности: новизна или психологическая традиция? // Человек в ситуации неопределенности / Гл. ред. А.К. Болотова. М.: ТЕИС, 2007. С. 9–33.
4. Корнилов С.А., Григоренко Е.Л. Методический комплекс диагностики академических, творческих и практических способностей // Психологический журнал. 2010. Т. 31, № 2. С. 90–103.
5. Корнилова Т.В. Идея саморегуляции в культурно-исторической концепции Л.С. Выготского // Психология человека в современном мире: 120 лет со дня рождения С.Л. Рубинштейна. Т. 2. Ч. 1. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 30–40.
6. Корнилова Т.В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в стратегиях совладания // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 2010. № 1. С. 46–57.
7. Корнилова Т.В. Мотивационная регуляция принятия решений: современные представления // Современная психология мотивации / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 172–213.
8. Корнилова Т.В. Неопределенность, выбор и интеллектуально-личностный потенциал человека (в развитие смысловой теории мышления) // Методология и история психологии. 2009. Т. 4. Вып. 4. С. 47–59.
9. Корнилова Т.В. Новый опросник толерантности к неопределенности // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 6. С. 74–86.
10. Корнилова Т.В. Принцип неопределенности: основания и проблемы // Психологические исследования. 2010. № 3 (11). [http:// psystudy.ru](http://psystudy.ru).
11. Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений. М.: Аспект Пресс, 2003.
12. Корнилова Т.В. Толерантность к неопределенности и интеллект как предпосылки креативности // Вопросы психологии. 2010. № 5. С. 3–12.
13. Корнилова Т.В., Каменев И.И., Степаносова О.В. Мотивационная регуляция принятия решений // Вопросы психологии. 2001. № 6. С. 55–65.
14. Корнилова Т.В., Новикова М.А. Самооценка в структуре интеллектуально-личностного потенциала человека // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 25–35.
15. Корнилова Т.В., Парамей Г.В. Подходы к изучению когнитивных стилей: двадцать лет спустя // Вопросы психологии. 1989. № 6. С. 140–146.
16. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. Учебник. М.: Юрайт, 2011.
17. Корнилова Т.В., Тихомиров О.К. Принятие интеллектуальных решений в диалоге с компьютером. М.: Изд-во МГУ, 1990.
18. Корнилова Т.В., Чигринова И.А. Стадии индивидуальной морали и принятие неопределенности в регуляции личностных выборов // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 2. С. 69–87.
19. Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новикова М.А. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010.
20. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения. Кострома, 2004.
21. Луковицкая Е.Г. Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 1998.
22. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011.
23. Павлова Е.М., Корнилова Т.В. Креативность и толерантность к неопределенности как предикторы актуализации эмоционального интеллекта в личностном выборе // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. С. 39–49.
24. Тихомиров О.К. Информационный век и теория Л.С. Выготского // Психологический журнал. 1993. № 1. С. 114–119.
25. Тихомиров О.К. Структура мыслительной деятельности человека. М.: МГУ, 1969.
26. Тихомиров О.К. Понятия и принципы общей психологии. М.: МГУ, 1992.
27. Тихомиров О.К. Психология мышления. М.: МГУ, 1984.
28. Чумакова М.А. Личностные предпосылки рационального выбора в условиях неопределенности: М.: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. МГУ, 2010.
29. Bentler P.M. EQS structural equations program manual. Inc., Encino, CA: Multivariate Software, 1995.

30. Fox E., Riconscente M. Metacognition and Self-Regulation in James, Piaget, and Vygotsky // *Educational Psychology Review*. 2008. V. 20. P. 373–389.
31. Frenkel-Brunswick E. Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable // *Journal of Personality*. 1949. V. 11. № 1. P. 108–143.
32. Furnham A. A content, correlation and factor analytic study of four tolerance of ambiguity questionnaires // *Personality and Individual Differences*. 1994. V. 16. № 3. P. 403–410.
33. Gigerenzer G. Moral intuition – fast and frugal heuristics? // *Moral Psychology*: V. 2. The cognitive science of morality: Intuition and diversity / Ed. W. Sinnott-Armstrong. Cambridge, MA: MIT Press, 2008. P. 1–28.
34. Grenier S., Barrette A.-M., Ladouceur R. Intolerance of Uncertainty and Intolerance of Ambiguity: Similarities and differences // *Personality and Individual Differences*. 2005. V. 39. P. 593–600.
35. Hastie R.K., Dawes R.M. *Rational Choice in an Uncertain World: The Psychology of Judgment and Decision Making*. 2nd ed. 2010. SAGE Publication.
36. Weber E.U., Johnson E.J. Mindful judgment and decision making // *Annual Review of Psychology*. 2009. V. 60. P. 53–86.

PSYCHOLOGY OF AMBIGUITY: UNITY OF INTELLECTUAL AND PERSONAL REGULATION OF DECISIONS AND CHOICES

T. V. Kornilova

Sc.D. (psychology), professor, general psychology chair, psychological department, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow

Some propositions of O.K. Tikhomirov's semantic theory which are the basis for the model of multiple and multilevel regulation of person's decision-making are described. It is shown how the development of the idea of unity of intelligence and affect (in its understanding by L.S. Vygotsky, A.R. Luria, and O.K. Tikhomirov) is realized concerning person's decisions and choices in ambiguity situations. The notion of dynamic regulative systems (DRS) – new formations integrating a fortiori different-level processes of actualgenesis both of personal and cognitive components of person's decisions regulation is based.

Key words: O.K. Tikhomirov's semantic theory of thinking, ambiguity principle, choice, decision making, dynamic regulative systems, tolerance/intolerance to ambiguity, new formations, self-regulation.